

Ессейско-чирингдинские эвенки

(По коллекции В. Н. Васильева, МАЭ, № 1004)

Г. М. Василевич

В. Н. Васильев, участвуя в 1905 г. в Хатангской экспедиции, снаряженной Русским Географическим обществом, собрал этнографическую коллекцию и сдал ее в Музей антропологии и этнографии Академии Наук. Подробный отчет его в печати не появился. Опубликован только краткий очерк, в котором основное внимание уделено якутам и долганам.¹

Коллекция собрана от эвенков в границах северной части нынешнего Эвенкийского национального округа, в районе водораздела между реками Хатанга—Котуй с притоком Мойеро и р. Кочочумо, впадающей в Нижнюю Тунгуску. Район сбора коллекции примыкает к озерам Мурукто, Томпоко, Чирингда, Нерунгна, Мойеро, Тамерея и Ессей и рекам Джалтука и Кочочумо.

Ессейско-чирингдинская группа енисейских эвенков до этого никогда не изучалась. Собранная Васильевым коллекция отражает разные стороны их быта, и описание ее может дать приблизительную картину жизни в начале нашего века. Сравнение предметов коллекции с вещами других эвенкийских групп освещает некоторые моменты процесса этногенеза этой группы эвенков.

Изучением енисейских эвенков в досоветский период длительно занимался К. М. Рычков, написавший ряд статей и монографию.² Материалы, по которым написана эта монография, собраны среди северо-западной группы илимпийских эвенков (бассейн р. Хеты) и среди енисейских-левобережных — сымских (северной и южной, по терминологии Рычкова).

Илимпийскими эвенками принято называть группы, расселенные к северу от Нижней Тунгуски в полосе тайги, лесотундры и тундры. По своему составу и говорам они неоднородны и могут быть разделены

¹ В. Н. Васильев. Краткий очерк инородцев севера Туруханского края. Ежегодн. Русск. Антропологич. общ., т. II, 1905—1907.

² К. М. Рычков. Енисейские тунгусы. Землеведение, кн. I—II, 1917; кн. I—II, 1922.

на три группы: северо-восточную, центральную (ессейско-чирингдинскую, от которой собрана коллекция В. Н. Васильева) и северо-западную. Но, вместе с тем, в говорах их имеются общие доказательные особенности (хакание, отсутствие ассимиляции сонорных согласных, формы числительных второго десятка и некоторые другие), которые наряду с фольклором (с образами героев сказаний) позволяют противопоставлять их южным соседям.

Рычков в своей монографии дает только общую характеристику этнографических моментов северо-западной группы, относя их ко всем илимпийским эвенкам. В его работе совершенно отсутствует описание предметов материальной культуры, в некоторой части указывающих на неоднородность родового состава.

Б. О. Долгих, изучающий архивные материалы XVII—XVIII вв. и проехавший в 1939 году через территорию этой группы эвенков, пришел к выводу, что „административные роды“ в большинстве случаев совпадают с племенным делением. Он выделяет среди илимпийских эвенков три племени: *Горагир* (бывшие Летние роды) — северо-западная группа, *Нюрумнял* — центральная группа (в нее входят и эвенки, о предметах быта которых будет речь впереди) и *Баягир* — северо-восточная группа.¹

Роды племен		
<i>Баягир</i> с.-в. группа	<i>Нюрумнял</i> центр. группа	<i>Горагир</i> с.-з. группа
<i>Баягир</i>	<i>Йолигир</i>	<i>Тамбегир</i>
<i>Ялтакагир</i>	<i>Хутокогир</i>	<i>Молчачагир</i>
<i>Хавакигир</i>	<i>Йолдагир</i>	<i>Йолигир</i>
<i>Катара</i>	<i>Хирогир</i>	<i>Топтыгир</i>
	<i>Удыгир</i>	<i>Удакогир</i>
	<i>Камбагир</i>	<i>Якчон</i>
	<i>Оёгир</i>	<i>Килмагир</i>
	<i>Гуругир</i>	<i>Чембагир</i>
	<i>Эмидакль</i>	
	<i>Хукогар</i>	

Уже сам родовой состав племен, установленный Долгих, показывает, как увидим ниже, их смешанность.

Во время моих поездок по Нижней Тунгуске в 1931, 1935—1936 гг. отдельные семьи этих родов кочевали по всей территории илимпийских эвенков. Они отличали себя от представителей родов, входящих в другую группу, по произношению слов, по употреблению того или иного синонима, по мотивам песни-импровизации, и т. д.

¹ Б. О. Долгих. Родовой и племенной состав народностей на севере средней Сибири. Кратк. сообщ. Инст. этногр., I, 1949, стр. 74—79.

Ряд родов, выявленных мною, совпадает с указанными выше, некоторых в моем списке нет, и, наоборот, в ряде случаев, записанные мною, отсутствуют у Долгих.

Записи Василевич, совпадающие с записями родов Долгих	Не совпадающие записи родов	
	Василевич	Долгих
<i>Йолигир*</i>		<i>Хирогир*</i>
<i>Хутокогир*</i>		
<i>Йолдагир*</i>	<i>Чапэгир</i>	<i>Катара (вероятно Кэтэрэкогир, — Г. В.)</i>
<i>Удыгир*</i>		
<i>Хукочар*</i>		
<i>Оёгир*</i>		
<i>Камбагир*</i>	<i>Панкагир</i>	<i>Тамбегир</i>
<i>Гуругир*</i>	<i>Чуракагир</i>	
<i>Эмбдял (В.), Эмидакль (Д.)</i>	<i>Путугир</i>	<i>Молчагир</i>
<i>Баягир</i>		<i>Топтыгир</i>
<i>Ялтакагир (он же Йолдагир)</i>	<i>Кундогир</i>	<i>Уйдакогир</i>
<i>Хавакигир (Хэвэкигир)</i>		<i>Якчон</i>
		<i>Килмагир</i>

Примечание. Звездочкой обозначены роды, отмеченные в посемейном списке, составленном Мидким в 1886 г. (см. Приложение к статье: И. А. Хейн. Дневник поисковой экспедиции. Изв. Красноярск. подотд. ВСОРГО, т. II, вып. 5).

Роды *Камбагир* и *Удыгир*, по полученным мною сведениям, раньше кочевали между притоками рек Хатанга—Котуй и Оленек. Эвенки Нижней Тунгуски называли их „чужие“, „другие“, „родня по мужу“ (*тунгурил*). Это были роды, бравшие жен у других родов. В 30-х годах они жили не только в Илимпейском районе Эвенкийского округа, но и в соседнем Катангском районе Иркутской области.

Род *Путугир*, который по преданиям левобережных енисейских эвенков, записанным мною в 1930 г., занимал когда-то места по нижнему течению правых притоков Енисея и был „горным“ (*урэгэр*) в отношении западных елогуйских „болотных“ (*хойгор*), — давно ушел на восток, и в 30-х годах основная масса его жила в Катангском районе.

Роды *Хавакигир (Хэвэкигир)* и *Катара (Кэтэрэкогир)* кочевали в верховьях р. Чуня (большой правый приток Подкаменной Тунгуски).

Род *Чембагир (Чемба)* жил в 1900—1930-х годах на левых притоках Енисея (реки Сым, Елогуй), где и объединился с другими родами как по языку (шекающий), так и по культуре, в сымскую группу эвенков.

¹ В Фонограмм-архиве Института русской литературы Академии Наук СССР хранятся валики с записями одной и той же песни-импровизации, пропетой на разные мотивы.

Территория рода *Кундогир* в половине прошлого века находилась по обеим сторонам средней части Нижней Тунгуски (Долгих называет этот род племенем потому, что управа называлась Кундогирской).

Род *Панкагир* жил на водоразделе между Нижней и Подкаменной Тунгусками, преимущественно на левых нижних притоках Нижней Тунгуски.

Роды *Гурагир* и *Ятоил* своим происхождением связаны с одноименными родами из района енисейских приисков (реки Каменка—Чадобец, правые притоки Ангары), где жили потомки ангарских эвенков, говорящие на шекающем диалекте.

Роды *Эмбдян* ~ *Эмидакль* и *Йолдагир* имели ответвление среди туруханско-тазовских эвенков.

Даже эти краткие сведения вскрывают сложность родового состава илимпийских эвенков. Но, несмотря на такие перекрещивания родов, у каждого из них сохранились свои особенности в языке, в мотивах песни,¹ в одежде, обуви и т. п.

Кроме межродовых, а прежде, вероятно, межплеменных связей, у илимпийских эвенков всегда были связи с иноязычными соседями. Наиболее тесные и поздние связи мы наблюдаем с якутами (ессейская группа) и долганами. Сталкивались они и с самоедами (нганасанами — ессейская, ненцами, юраками — северо-западная группа).

Эти связи отразились и на родовых названиях; так, среди затундренных якутов в 1926—1927 гг. было 45 оякученных эвенков из рода *Баягир*, и наоборот, эвенкийский род *Эмбдян*, по словам эвенков, ведет свое происхождение от якута. Среди боганидских долган были группы из родов *Боягир*, *Джелшир* (эвенк. *Йолигир*), *Угдакогир* (эвенк. *Удэкэгир*) и *Хукочар*, и, наоборот, представители долган из родов *Диэчэн* и *Тэмбэшир* дали среди эвенков роды *Якчон* и *Тамбегир*.

Эти тесные связи, естественно, отразились на всем культурно-лингвистическом комплексе.

* * *

В настоящее время эвенки Илимпийского района объединены в колхозы. В частности, потомки группы, от которой В. Н. Васильев собрал коллекцию, живут в колхозах „Новая жизнь“ на Еконде, „Путь Ленина“ на оз. Ессей, им. Кирова на Агате (частично), часть их живет в колхозах смежных районов.

В хозяйственном отношении ессейско-чирингдинская группа к началу XX в. была тундрово-оленоводческой. „Оленей у инородцев довольно много, — писал Васильев, — у илимпийских тунгусов, например, встречаются лица, владеющие стадами в 4—5 тысяч голов... совершенно безоленных среди этих инородцев не пришлось встретить, безоленными считаются лица, имеющие десяток, другой оленей... Крупные оленеводы разбивают свои стада на несколько частей, которые пасутся под присмотром детей или работников владельца в разных местах“.¹ Кочевки

¹ В. Н. Васильев, ук. соч., стр. 59.

были постоянными в одном и том же направлении и определялись движениями оленей. В марте начинали откочевывать из низин и тайги в гольцы, а в конце июля и в начале августа — обратно. Малооленные, наоборот, на лето перебирались к озерам. Таким образом, если у одних цикл жизни определял олень, а охота, тем более рыболовство, были дополнительными занятиями, то у других зимняя охота и летнее рыболовство занимали первое место, олени служили только для передвижения.

Главным предметом охоты был дикий олень, так как мясо было основной пищей. На оленя охотились все лето, большую часть весны и осени, а иногда зимою. Промысловыми животными являлись песцы и лисицы, из мелких — горностаи и колонок; били и волков. Менее характерной для этой группы была охота на белку и соболя.

Дополнением к охоте на мясного зверя была охота на птицу во время перелетов и охота становными сетями на утят.

Рыбу на озерах добывали сетями, на реках — перегораживанием и мордами; зимою рыбу били остроугой через полынью, для чего в проглубь спускали на веревке приманку — костяную рыбку. На рыбалках передвигались в лодке-долбёнке, высеченной из лиственничного бревна. В. Васильев, кроме того, видел остовы лодок, обтянутых кожей, но, к сожалению, он не дал их описания и не привез ни одной в коллекцию.

В начале XX в. эсеейско-чирингдинские эвенки охотились с ружьем, но наряду с ним сохранялся и лук. Стрелы *нири*, длиной до 90 см, имели плоские, трехгранные и копьевидные железные наконечники (1004-111);¹ общетунгусский двояковыгнутый лук после охоты вкладывался в распялку *бэрбэ анабун* (1004-104) — инструмент в виде длинного бруса с семью зарубками и костяной развилкой на одном конце. Лук вкладывался в развилку, а тетива натягивалась на одну зарубку, все оставлялось до следующего дня. Ежедневно тетиву передвигали на одну зарубку ниже.

На песцов и волков расставляли самострелы, на горностаев и колонок — черканы (*яринга* (1004-99)). Черкан изготовлялся из одной ветки тальника; ее изгибали в трех местах, и соединяли два конца путем вкладывания одного, горизонтально изогнутого, в отверстие другого, вертикально стоящего конца. Высота черкана 40 см. К середине его был приделан лук-самострел с молоточком на палочке вместо стрелы.

Зимою к копытным зверям подкрадывались, подкатывая перед собою защитную доску с отверстием для стрелянья. Доска эта устанавливалась на вертикальные подставки (высотой 30 см), воткнутые в короткие лыжи, длиной в 58 см (1004-173).

¹ В скобках здесь и далее указан номер экспоната, под которым он значится в коллекции Музея антропологии и этнографии. Эвенкийские слова записаны в местном произношении.

Таким образом, охотник и подкрадывался и стрелял лежа. Этот способ охоты характерен для всех народов таймырской тундры (энцы, нганасаны, долгане, якуты, эвенки).

При охотнике, на поясе, всегда был нож в ножнах (1004-132), а через плечо — ремень *натэрушка* с пороховницей из рога барана (1004-160). Зимой охотник ходил на лыжах с подклеенными на нижней стороне камысами. Тип лыж — общеэвенкийский (длина 141 см, ширина 39 см, загиб камыса на верхнюю сторону равен 1 см), с наклеенной берестой под ступней и ремнями для носка и пятки (1004-174).

В оленеводстве главным орудием был аркан *маут* (1004-100). Это — шнур из четырех плетеных в косу тонких ремней, длиной от 6 до 10 м, с костяшкой на конце. Перед костяшкой — блок с двумя отверстиями, через которые проходит аркан. Аркан сматывали на руке, затем, держа правой рукою моток, бросали его на оленя. Налету он разматывался, и петля падала на рога оленя. Тогда конец подтягивали и сматывали, подходя к животному. Набрасывать аркан учились с детства, что сохранилось и до сих пор среди эвенков (*орочен*). Любимой игрой детей 3—5-летнего возраста, живущих с бригадами оленеводов, является набрасывание аркана, а дети 7—9 лет уже помогают взрослым вылавливать арканом нужных оленей. Аркан еще в отдаленные времена, возможно, был орудием охоты у аборигенов лесотундры. В преданиях эвенков Подкаменной Тунгуски сохранилась память о людях, которые жили севернее их. Эти люди охотились на диких оленей при помощи аркана.

На оленях ездили верхом, а зимой иногда передвигались на нартененецкого типа (копылья стоят наклонно внутрь и назад в пазах полозьев), приспособленной к условиям лесотундры путем привязывания горизонтальной дуги к передним концам полозьев и копыльям.

Упряжь верхового оленя состоит из трех частей: недоуздка, седла и подпруги.

Недоуздок *ухи*, *ухикэн* (1004-94) делался из ровдужного ремня, один конец которого пришивался петлей. К петле с боков привязывались небольшие ровдужные тесемки для завязывания за рогами оленя. Второй конец недоуздка был вожжей. Разница между нартяным и верховым недоузтками заключалась в длине этого конца (от 1 до 2 м). Иногда при верховой езде, когда на голове оленя бывал нартяной недоуздок, конец его держали в руках и время от времени махали им над головой или сбоку от нее. Олень тонко слышит всякий шорох, и эти вращения вырабатывают у него привычку двигаться быстрее. Таким образом, длинный конец недоуздка как бы заменял кнут.

Женский недоуздок украшался кистями *нэлбир* (1004-93; рис. 1, 3), которые висели на нем около глаз оленя и на орнаментированном клапане между глазами оленя. Назначение этих *нэлбир* — отмахивание паутов и мошки. Иногда сам недоуздок в налобной части *хоёлтын* украшался сплошь бисерным орнаментом. Тип орнамента сходен с долганским и включает элементы якутские (растительный) и эвенкийские:

(геометрический). Материалом для орнамента служили бисер и металлические кружки и квадратики (медь, олово).

Особо украшался недоуздок невесты (1004-85); к кистям добавлялись махавка *хинмал* и колокольчик. Махавку делали из куска медвежьего меха, свернутого в виде длинного пушка или в виде пушистой кисти, вставленной в ровдужную трубочку, которая обматывалась рядами (до 15) бисера.

Как и долгане, чирингдинские эвенки применяли два сорта бисера (стеклянный прозрачный и фарфоровый), в то время как эвенки, живущие южнее, признавали только один — фарфоровый. Любимой гаммой цветов (бисер прозрачный зеленого и желтого цвета, фарфоровый бисер — черного и темно-голубого) у этих эвенков была такая же, как у долган и якутов, а у эвенков Нижней Тунгуски гамма была богаче: она состояла из белого, голубого, черного, красного и желтого цветов.

Верхнее седло *хамдан* составлялось из двух дужек — лук, соединенных с двумя слегка наклонно поставленными досками *данды*, которые обшивались зимней шкуркой оленя мехом внутрь; получались как бы две подушки. Это седло укладывалось на лопатки оленя и перевязывалось подпругой *тымэвтын* (1004-89, 92). На одном конце подпруги было кольцо *киемака*, другой конец — узкий, для завязывания. Кольцо *киемака* делалось из металла или рогового полукруга, соединенного ремнем (1004-166). Седлали оленя справа.

Вьючное седло *лочоко* (1004-84; рис. 1, б) отличалось от верхнего величиною дужек и способом обшивки досок *данды*: дужки высокие (13—15 см) и широкие (16—20 см) делались из дерева с долбленным орнаментом *тырэвун*, доски длиннее (до 45 см) и наклон их больше. Одеты были эти доски в длинные мешки из шкурок мехом внутрь. Высота такого мехового мешка определялась высотой вьюка (для высокого вьюка и мешки были больше). Кроме орнамента на дужках, последние еще опоясывались у основания полосками ровдуги, сплошь зашитыми бисером и украшенными ровдужной бахромой. Окрашивалась орнаментированная дужка красной и зеленой красками, что также выделяет эту группу эвенков среди всех остальных. К задней дужке седла обычно прикрепляли пряжку *гилбэвун*, для привязывания недоуздка следующего оленя. *Гилбэвун* (1004-129, 128, 127) делалась из оленьего рога и покрывалась долбленным геометрическим орнаментом (кружки, косые линии, зубчики, крестики).

Вьюк составлялся из двух равных по весу сум. Вьючные сумы были двух типов: на твердой основе и мягкие. Сумки *тыта*¹ (1004-87, 88) на берестяной основе (характерные для всех эвенков торсуки) в большинстве говоров называются *инмэж* (*унмэ*, а у крайне-восточных еще *мэнгур*). Торсуки этих эвенков отличаются от торсуков южных соседей тем, что широкие стенки параллельны и только узкие

¹ В говорах верхне-вилюйских эвенков *тыта* 'береста'.

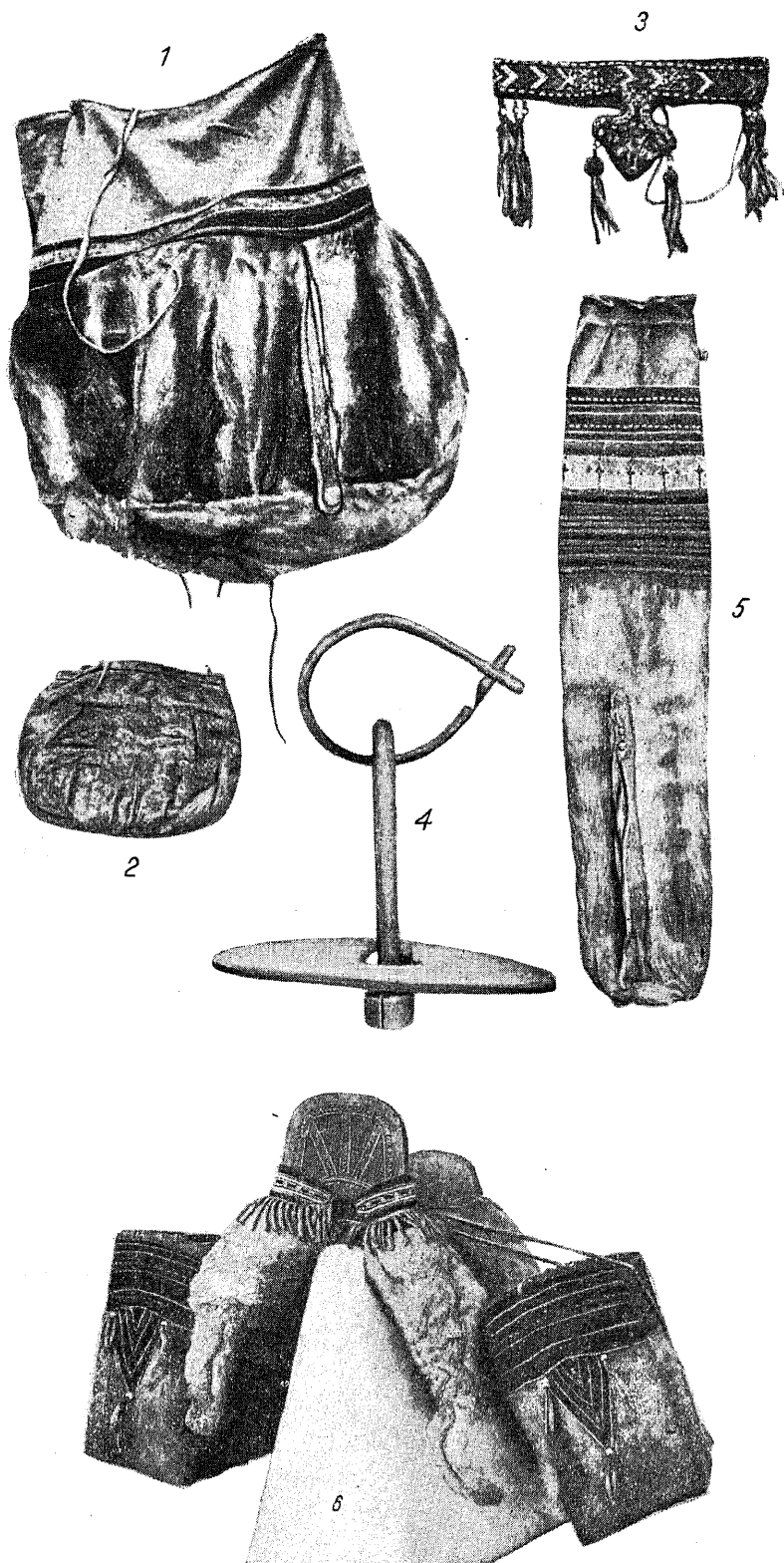

Рис. 1.

1—вьючная сумка *мукули* из оленьих камысов; 2—сумка *утака* из рыбьей кожи; 3—женский нарядный недоуздок *ухи*; 4—оленье ярмо *кулуку*; 5—сумка из камысов *ик* для длинных вещей; 6—вьючные сумы и седло.

стенки (передок и задок) имеют слабый наклон книзу внутрь, (рис. 1). В этом отношении они приближаются к торсукам эвенков-орочен. Торсук снизу до половины обшит камысами, верхняя половина — ровдужой, украшенной полосками из цветной ткани, швами из подшейного волоса и иногда бисером. На передке и задке от ровдужной обшивки и вниз спускается острым углом треугольник, на углах которого пришиты для украшения кисти *нэлбин*. Ровдужный ободок выступал над берестой и заканчивался вздержкой *хаку*. Набитый торсук затягивался этой вздержкой, покрывался овальной крышкой из бересты или камыса, а сверху накрест связывался завязками *хукиш* (на передке и задке) и *хуркуптын* (на боках). Кроме этих завязок, на боках было по паре других — *ухи* и *таптыр* — для связывания торсуков во вьюк. Высота торсука доходила до 30—32 см; площадь дна 35 × 32 см. Деревянные сумы *мома* (1004-162) представляли собою ящики высотой в 23 см и с площадью 45 × 20 см. Они также обшивались камысами и узким ободком ровдуги поверху и имели ту же систему завязок.

Мягкие сумы *мукули* (1004-91, 159; рис. 1, 1) шились из двух круглых шкур со лбов оленя, они сшивались вместе или между ними вставлялась полоска из камысов. Верх окаймлялся ровдужной полосой, орнаментированной цветными матерчатыми полосками и оканчивающейся вздержкой. Мягкие сумки для связывания в пары имели по бокам по три вязки.

Пары вьючных сум перекидывались через седло, на них накладывался *кумалан* (1004-86) — коврик, предохраняющий от дождя, и поверх всего перекидывалась подпруга, один конец которой привязывался к кольцу. *Кумалан* эвенков по своей форме схож с *кумаланом* эвенков-орочен.

Во время коротких стоянок оленю на шею надевали кольцо *кулуку*, *кулу* (1004-168; рис. 1, 4), в которое была вдета палка *хэрур*, или *чоной*, с набалдашником, не позволявшим опуститься поперечной доске (длиной 50 см) *авунитлан*. При отсутствии готовой *кулу*, к шее оленя привязывали на недоуздке палку, которая мешала ему далеко уходить.

Нартяная упряжь полностью заимствована от долган и даже в украшениях пояса (1004-175) ничем не отличается.¹

Рыбу ловили сетями, удочкой и перегораживанием рек. Сеть *адыл* делалась из волосяных ниток, для чего у якутов покупался конский волос *мурун* (1004-137). Вязали сеть сами. Игла обычного типа делалась из кости или дерева (1004-135а, б). Ширина сети — 70—80 см, сторона ячеи 10—7 см. Грузилом служил камень, ввязанный в кольцо из тальника (1004-90), поплавками — берестяные трубки на верхней бечеве.

¹ См. долганскую нартяную упряжь: А. А. Попов, Сов. этнография, III, 1935, стр. 193, 194.

Для выделки шкур служили три инструмента: *у* — круглый изогнутый и насаженный на ручку скребок, *чучун* (1004-109) — насаженный на ручку плоский круглый, с мелкими зубринами по наружному краю скребок и *кадэрэ* (1004-110) — длинная железная изогнутая полоска, вставленная по длине в футляр-ручку. Первым (*у*) соскабливали мездру и шерсть вначале, вторым (*чучун*) — снимали остатки мездры и разминали кожу после дубления, третьим, собственно кожемялкой, специально разминали уже выделанную кожу (ровдугу) или шкуру (для одежды). *Кадэрэ* у соседних эвенков обычно делалась из дерева. Скребки *у*, *чу-*

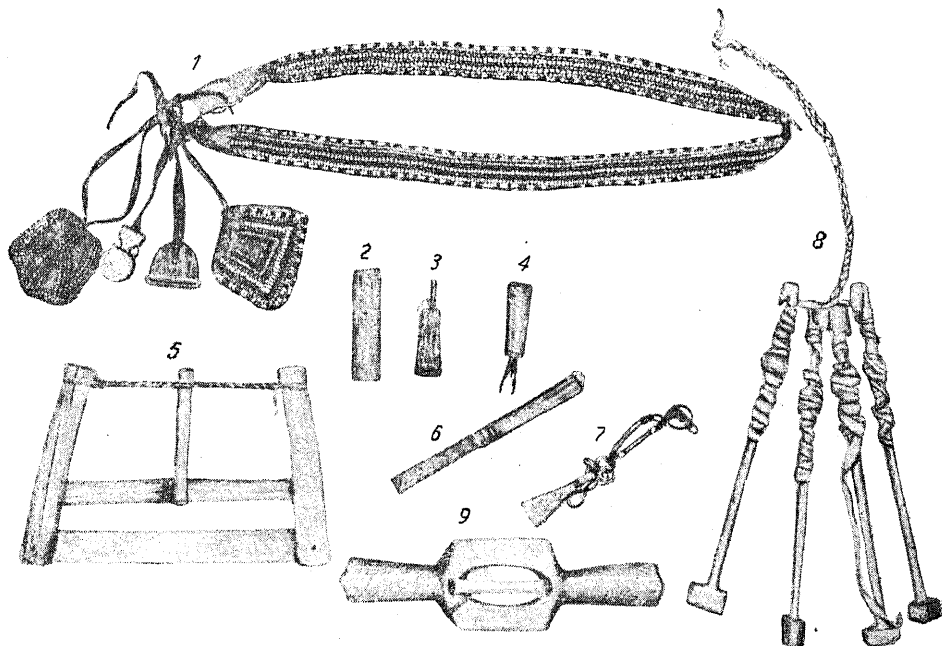

Рис. 2.

1 — пояс *мушнялабун* для кисета; 2 — стружок *хандавун*; 3 — циркуль для вычерчивания кружков; 4 — циркуль *набун* для нарезки кружков; 5 — пила *хувун*; 6 — пила *удыгун хувунни* для выпиливания гребешков; 7 — щипчики для вытаскивания заноз; 8 — крючки *чаваун* для плетения арканов; 9 — стружок *ирэпчинэ* для дерева.

чун держали за ручку двумя руками, скребок *кадэрэ* держали за концы ручки деревянного футляра. Работали всегда сидя с вытянутыми ногами, которыми придерживали обрабатываемую шкуру.

У каждого хозяина для работ по дереву, кости и металлу бывал полный набор инструментов, хранившихся в специальной деревянной коробке *авса*, *хэлэрук* (1004-130), овальной формы.

К инструментам по обработке дерева относились: 1) лучковая пила *хувун* (1004-153; рис. 2, 5); это узкая полоска железа (длиной 56 см), вставленная в две ручки высотой 34 см, соединенные на концах крученой веревкой с распоркой; 2) стружок *хандавун* (1004-136; рис. 2, 2) — слегка изогнутый двуручный справа с отверстием по середине, в одну сторону которого вделывалась заостренная с двух сторон железная

пластинка; 3) долото (1004-138) обычного типа, вставленное в небольшую (длиной 9 см) ручку; 4) бурав-сверло *хэрэвул* (1004-134), состоящее из двух частей: ручки, в один конец которой вставлялась железная перка и палочки. В отверстие середины ручки продевалась ровдужная тесемка, концы которой привязывались к концам второй палочки. Держа за конец ручки вертикально к вещи, в которой надо сделать дырку, водили палочкой по середине, таким образом тесемка приводила в движение сверло. Само сверло *мурупчанэ* (1004-133) устроено таким же образом, но с четырехгранной перкой.

Инструментами для обработки кости и рога служили: топор, нож, пила. Пилка *игдывун хувунин* (1004-145; рис. 2, б) состояла из деревянной ручки (длиной 10 см) и узкой (1 см) металлической пластинки (длиной 8 см) с зазубринами с двух сторон. Этой пилой пропиливали зубчики на костяных гребнях. Для выпиливания самих гребней была другая пила *хувун* (1004-169; рис. 2, 5) — типа лучковой пилы, но меньших размеров (высота 17 см, ширина верха 26 см, низа — 17 см).

Инструментом для орнаментировки кости, рога и металла служил циркуль *набун* (1004-140; рис. 2, 4), представляющий собою небольшую деревянную ручку (длиной 7 см), в которую воткнуты два коротеньких (длиной 3 см) металлических острия. Втыкая одно, вращали другое; для регулирования размера радиуса кружка, острия сдвигали и раздвигали. Таким циркулем наносили кружковый орнамент. Подобного типа был и другой циркуль (1004-147; рис. 2, 3), у которого вместо ножки была пластинка с зубчиками. Этим циркулем наносили одновременно два и три кружка.

Другими инструментами для работы с металлом служили: 1) винтовой зажим (1004-151), который изготовлялся по типу фабричного; 2) кузнечное зубило (1004-142) в виде короткого клина (длиной 10 см) с заостренным концом; 3) клещи *эюргэ* (1004-116) с узкими плоскими зубцами; 4) кузнечный мех *курэ* (1004-123а, в), состоящий из двух досок длиной в 71 см, шириною в 20 см (средняя линия овала); доски были соединены ровдугой, один конец доски был ручкой, другие два соединялись в виде трубки и обматывались ровдугой.

Эвенки сами чинили и переделывали ружья, поэтому у многих для обстреливания ружейного шомпола был стружок *хангдавун* (1004-136; рис. 2, 2) в виде желоба (длиной 10 см) с прорезью, в которую вставлялся нож. Внутреннюю нарезку ствола производили винтообразной листовенничной палкой *винтыбун* (1004-25) (длиной 97 см) с металлическим шипом на одном конце. Для прочистки внутренней нарезки применялся специальный шомпол *винтыбун* (1004-112, 114), который состоял из длинной палки-ручки (длиной 75 см), снабженной раздвоенным железным наконечником с зубчиками на наружной стороне каждого конца. Для чистки ружья от ржавчины служил шомпол *эхивун* (1004-113) с напильникообразным железным наконечником, всаженым в длинную палку. Для зарядки фитильного ружья пользовались деревянным шомполом *хомкур* (длиной 76 см) с нарезками на одном конце. Пульки лили сами

при помощи лейки (1004-150). Свинец плавил на куске железа *лейкэ* (1004-143) с загнутыми вовнутрь краями и с загнутой в виде трубочки ручкой, в которую вставлялась палка.

Для изгибания лыж имелась еще рама (1004-183); она состояла из трех деревянных брусков (каждый длиной 100 см) с вырезанными отверстиями, в которые вставлялись склеенные для лыж доски; палки втыкались в бревно.

Для плетения ременных веревок применялись четыре деревянных крючка, длиной по 29 см (1004-176, 4; рис. 2, 8), на которые наматывались ремни. Вережки плелись и из сухожилий.

Кочевой образ жизни заставил эвенков выработать множество различного рода сумок для разной утвари.

Сумка *утака* (1004-157; рис. 1, 2) для хранения мелких вещей женского рукоделья шилась из двух пластин выработанной рыбьей кожи (31 × 35 см) с овальными боковыми частями. С двух сторон узкой обшивки пришивалось по паре тесемок для связывания верха сумки. Для других различных мелких вещей изготовляли *утака* из птичьих шкурок или из шкурки лося (1004-155). Шили *утака* и из лебяжьих лапок (1004-161) с крышкой из ровдуги, украшенной полосками ткани и бисеринками. К такой сумочке обычно привязывался игольник, состоящий из ровдужной тесемки с медной передвигающейся трубочкой *аа*; чтобы трубочка не спадала, к концу тесемки привязывали медное украшение. Для перевозки разных кухонных принадлежностей (крюки, мутовки и др.) шили длинные (106 см) и узкие (шириной 25 см) сумки *омушца* (1004-103) наполовину из камысов, наполовину из ровдуги. Середина ровдужной части орнаментировалась широкой, сплошь зашитой бисером полосой. Верхний конец ровдуги *билан* обшивался бахромкой *нэлбин*. Сумка *ик* (1004-97; рис. 1, 5) для скребков делалась несколько короче (53 см), шилась также из камысов и ровдуги и орнаментировалась. Для шитья, ниток и других рукоделий делали из бересты коробочку *апшакан* (1004-95а), диаметром 14—20 см, высотой 10 см. Ее обтягивали ровдугой, бока сплошь орнаментировали полосками из ткани и бисером. В коробке хранили чехол для наперстка (1004-95), трудницу (1004-95в), нитки *чива* (1004-83) из сухожилий и заготовки для ниток *хирэктэ* (1004-191). Для перевозки посуды служил *тыгэрук* или *ходок* (1004-158; рис. 3, 4) — выдолбленная из дерева коробка с углублениями для чашек и блюдец и с привязанной крышкой.

Нарядными были мешочки для курительных приборов. Девушки носили их на поясе, мужчины — на „натруске“, надеваемой через плечо. Сам такой пояс у этой группы эвенков назывался *мушнялабун* 'то, что носит кисет' (1004-120; рис. 2, 1). Пояс делался из ровдужного или кожаного ремня, к нему привязывались на отдельных ровдужных тесемках кисет *мушня*, мешочек для трута *хилтык* и кремня *некэ*, кресало и специально вырезанный деревянный кружок *херарук*, в который вкладывалась жевательная сера. Все орнаментировалось (1004-121, 122, 181). В кисет вкладывалась и трубка *ганча* (1004-193), часто металлическая,

литая, с длинным мундштуком и с отверстием в чубуке, заткнутым деревянной пробкой.

Меховое одеяло *хулда* (1004-80) было таким же, как и у всех енисейских эвенков: кулеобразное в части для ног (ширина 43 см), широкое посередине (до 70 см) и суживающееся кверху (до 37 см). В нем обычно спала вся семья. Постель устраивали на земле: на хвойный настил клали шкуру *хэктэвун*, ноги засовывали в мешок, бока одеяла подгибали под себя, голову покрывали. С краю, ближе к костру ложился обычно старый человек. Он засыпал с открытой спиной, обращенной к костру (спали все только в натазниках). Ночью, когда огонь погасал, он укутывался и подпихивал край одеяла под бок. Одеяло составляло половину выюка, и для этой цели с наружной стороны его пришивали завязки.

В коллекции имеется ряд предметов из домашней утвари: деревянный крюк *олдон* (1004-16), длиной 41 см, для подвешивания над огнем котлов и чайников; железный крюк с орнаментированной ручкой *ури-вун* (1004-107; рис. 3, 2), длиной 46 см, для вытаскивания мяса из котла; железный сковородник *дябавун* (1004-106), длиной 24 см, с ручкой в виде плоского кольца; плоская металлическая лопатка *ламбака* для печения оладий (1004-105; рис. 3, 3), длиной 34 см, с украшениями в виде колец на конце; деревянная мутовка *итык*, длиной 68 см, для сбивания супа из крови оленя; плетенка *бучивун* (1004-163; рис. 3, 5) из тальниковых палочек *ивэлдэ* (шириной 63 см, длиной 105 см), переплетенных в пяти местах сухожильными нитками, *улэп-тын* (эту плетенку подвешивали над костром и на ней раскладывали мелко нарезанное мясо или рыбу); ложки *умкан* из рога (1004-139) и мамонтового клыка (1004-165). Посуда для чая была покупной, но иногда делали и чашки-долбленки *тыгэ* (1004-124), украшая ручки долблением. Для сбора ягод с кустарников, как и у всех эвенков, служил биток *уявун* (1004-98). Кусок бересты сворачивался в виде куля суживающегося к концу. На расширенный верхний конец пришивали ободок, а, чтобы удобнее держать его в руке, в бересте вырезали отверстие. Битком замахивались и ударяли по кустарнику с ягодами, спелые ягоды спадали в биток. После быстрых двух-трех ударов ягоды сыпали в туясок или торсучок *конги*. Способ этот ускоряет сбор ягод, но вместе с ягодами попадает много листьев и мусора.

Чирингдинские эвенки были крещены и приписаны к церкви, построенной на их территории (оз. Ессей). В каждой семье была икона *хэвэки*, хранившаяся в специальном выдолбленном ящике.

Как и у долган и соседних якутов, у них был календарь *паскал* (1004-192) — узкая (1,5 см) короткая (20 см) дощечка с нарезками на 18 недель; 6 прямых нарезков обозначали шесть дней недели, один косой — воскресенье. Церковные праздники обозначались разными знаками (в виде вилки, букв „с“, „г“) по краю дощечки. Проходил день, и одну нарезку срезали.

Жили эвенки в конических чумах *дюкча*, крытых двумя ровдужными нюками (1004-187), верхний обод которых орнаментировался ри-

сунками из подшейного волоса. Землю в чуме устилали густым слоем хвойных веток, а для сидения подстилали еще кусок старой шкуры или сношенный кумалан. Посредине чума разводили костер или ставили железную печку.

Столиком служила небольшая доска (65 × 52 см), иногда делали столик с ножками, оканчивающимися выточенными конскими копытами (1004-170). При кочевке эти ножки подгибали вовнутрь и весь стол укладывался в мешок или им покрывали выюк.

На озерах малооленные эвенки жили в более постоянных жилищах *го-ломо*, *дула*, и *балаган*. *Голомо* это тот же чум, составленный из брусьев,

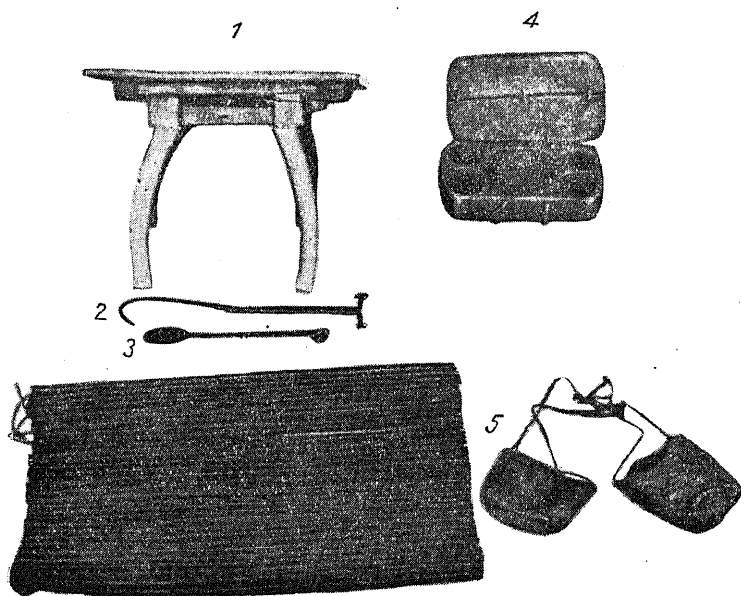

Рис. 3.

1 — стол; 2 — железный крюк *уриуун*; 3 — лопатка *ламбака* для печения оладий; 4 — ящик *тылэрук*, ходок для чашек; 5 — плетенка *бучивун* для сушки мяса и рыбы над огнем.

обложенных снаружи дерном или мхом, а зимою еще и снегом. *Дула* — устроенное так же, но пирамидальной формы, жилище. Четыре угловых стоячих бруса соединены перекладинами, на них опираются боковые стоячие брусья, на которые накатаны поперечные балки; все покрыто снаружи дерном или мхом. В стенах делали отверстие для окна, в которое вставляли льдины. Внутри иногда устраивали якутского типа камелек, вдоль стен устанавливали нары. *Балаган* — такого же типа жилище, но с невысокой двускатной крышей, лежащей на одной или двух матицах. Внутри *балагана* бывали нары и некоторая мебель (стол, скамья, стулья, полки).

Одежда, как и у всех эвенков, шилась из выделанных шкур оленьей и из покупного материала.

Мужская летняя одежда состояла из рубахи *урбаки*, шитой из ткани, бумазеи или ровдуги, и штанов. Ровдужная рубаха (1004-74) надевалась вниз, бумазейная или байковая (1004-60) — сверху. Верхняя была несколько длиннее. Покрой обеих был одинаковым: прямые перед и зад и рукав с клином подмышкой (ровдужная) или без клина (матерчатая). У ровдужной был прямой разрез от воротника, у матерчатой — косой. Воротник у обеих стоячий. Верхняя рубаха, кроме того, имела манжеты. Во времена пребывания Васильева ровдужные рубахи начали заменяться холщевыми. Терминология частей рубахи общеэвенкийская: рукав *укушэ*, ворот *хага*, вязки, заменяющие петли и пуговицы, *имэндэ*, обшивки по подолу *умурун*, обшивка по вороту *дюпкун*.

Верхняя мужская одежда была двух типов: распашная и глухая. Распашная *огдоко* (от слова *хогдондо* „спина“) (1004-53; рис. 4, 1) шилась из шкур мехом наружу с прямыми спинкой и полами (длиной 108 см) и небольшим отложным воротником. К рукавам иногда пришивались рукавицы. Глухая *хокуй* (1004-52; рис. 4, 2) самоедского типа, с капюшоном на вздержке вокруг лица, обычно служила для переездов на нарте в большие морозы. Ее надевали поверх *огдоко*.

Летние и зимние брюки *шитан* по фасону были заимствованы от русских (покупные), но на их покрое отразилась привычка выкраивать натазники. Изготавливались они из оленьего меха шерстью внутрь (1004-69; рис. 7, 2) и бумажной материи с подкладкой (1004-70). Они состояли из двух прямых штанин, между которыми сверху вставлялся небольшой прямой клин с разрезом спереди от пояса вниз. Пояс, собственно, был верхней обшивкой (в 10 см шириной).

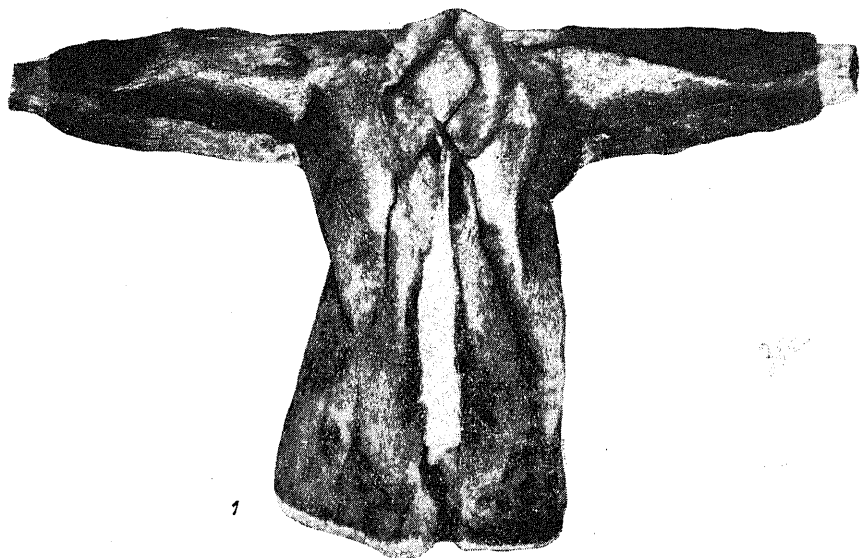
У ровдужных брюк спереди были вязки, у матерчатых — пуговицы с петлями. Таким образом, брюки сверху были очень широкими (65—82 см) и зад был на 10—20 см длиннее переда. Такой „простор“ верхней части брюк, а раньше *хэрки* (рис. 7, 4), видимо, был обусловлен способом сидения по-турецки и верховой ездой (прыжок на оленя с земли; рис. 7, 4).

Весною и осенью мужчины носили короткие унты и поверх надевали ноговицы *сотуро* (1004-63) из камысов и сукна (задняя часть). Длина ноговиц доходила до 80 см. Обвязывались они специальными вязками у ступни и под коленом, а верх привязывался к поясу.

Женский костюм состоял из платья *урбашки* и верхней одежды *купайки* из ровдуги или сукна. Зимой поверх этого надевался распашной меховой кафтан *хун*. На ноги надевали штаны *хэрки*, ноговицы и унты.

Урбашки (1004-59; рис. 5, 1) была одновременно платьем и рубашкой. Шили ее обычно из бумазеи. Перед состоял из двух прямых полотнищ со складками на плечах, зад — из спинки до талии и отрезной нижней части, которая пришивалась сборами у пояса. Рукава прямые, широкие у проймы (22 см) и узкие у кисти, оканчивались манжетом. невысокий стоячий воротник застегивался на одну пуговицу.

Купайкы (1004-58; рис. 5, 2) шили из цветного „сибирского“ сукна, преимущественно светлозеленого или светлосинего цвета. Передние полы были прямыми, с пуговицами и петлями от ворота до пояса. По-

1

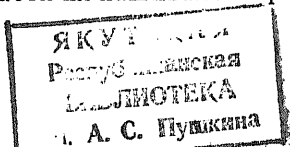
2

Рис. 4.

1 — мужская распахнутая парка оидоко; 2 — мужская глухая одежда хокуй.

крой спинки был особый. Верх ее (длиной 34 см) кроился в талию, от талии вниз в трех местах спинка перерезалась для вставок клиньев, которые внизу были шире, чем вверху. Клинья у талии пришивались в виде бантовой складки и на верхней части их нашивался прямоуголь-

840835

ный кусок ткани. Рукава состояли из одного куска и были широкими у проймы и узкими у кисти. Воротник — отложной, обычно обшивался полоской материи, как и полы с подолом.

Рис. 5.

1 — женское платье-рубашка *урбайкы*; 2 — женская суконная одежда *купайкы*.

Женщины прежде носили кафтаны *хун* из ровдуги (1004-70; рис. 6, 2). Покрой спинки был особый. Верх кроился в талию, а нижняя часть от талии кроилась шире и при сшивании с верхней частью собиралась в сборки. На серединке нижней части спинки снизу вверх делался разрез на 60 см. Рукава были со сборами на плече. Как и *купайкы*, эта одежда по краям обшивалась цветною полоскою.

На покрое спинки женской меховой одежды *сун* (1004-65; рис. 6, 1) отразился покроем *купайкы*. Верхняя часть спинки была отрезной и

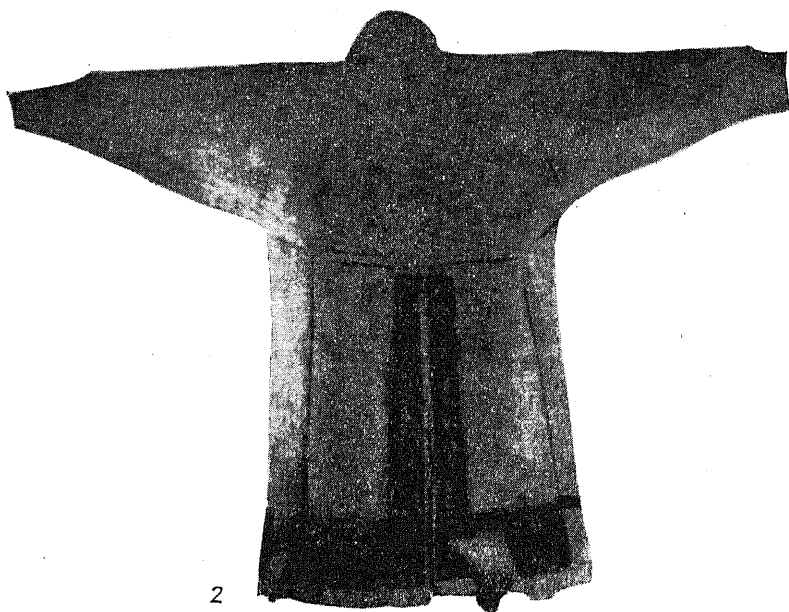

Рис. 6.

1 — женская зимняя одежда *сун*; 2 — женский ровдужный кафтан *хун*.

состояла из трех полос: средней широкой прямой, доходившей до половины плеча, и боковых, косо вырезанных от проймы к талии. Из трех частей состояла и нижняя часть спинки: средней прямой с раз-

резом посередине, доходящим до талии, в который вставлялся расширившийся книзу клин, и широких боковых с овальными выточками на боках. Прямой рукав, без сбор на плече, оканчивался узким манжетом, пришитым мехом внутрь. Воротник — стоячий. Спереди от воротника до талии были вязки. Полы и подол окаймлялись полосами белого меха и узкой полоской темного медвежьего меха.

Рис. 7.

1 — меховой шарф *вачи*; 2 — брюки *шитан*; 3 — шапка *хавун*; 4 — натазники *хэрки*.

Для тунгусских народностей исторически характерна одежда из одной шкуры, покрывавшей спину и руки. Пережитком этого являются разные раскрои спинки, развившиеся уже после обособления локальных групп.

Тип покроя спинки кафтана чирингдинско-эссейских эвенков, выделяя их среди соседних эвенков, сближает с эвенами и, кроме того, носит следы скотоводческой культуры.

Женские натазники *хэрки* (1004-45; рис. 7, 4) кроились из одного куска, сложенного вдвойне и прорезанного по бокам. В эти прорезы вставлялись полосы (внутренняя половина штанины). Верх окаймлялся вздержкой.

Ноговицы *гаравухик* (1004-43; рис. 8, 6) — гамаша, длиной до 70 см, — шивались из двух кусков разного цвета сукна (летние) и из

камысов и сукна (зимние). Вязки пришивались так же, как у мужских (*сотуро*).

Дети младшего возраста весной и осенью носили рубашонки и кафтанчики *хун* (1004-64; рис. 9, 1); зимою поверх рубашонки надевали *хокуй* (100-76, 1004-73; рис. 9, 2)—кафтанчик с капюшоном и глухо зашитыми рукавами (маленькие) или с глухо зашитыми рукавами, но с прорезью около кисти (постарше). Если *хун* был с прямой спинкой, то *хокуй* имел на талии поперечный разрез, к которому пришивались

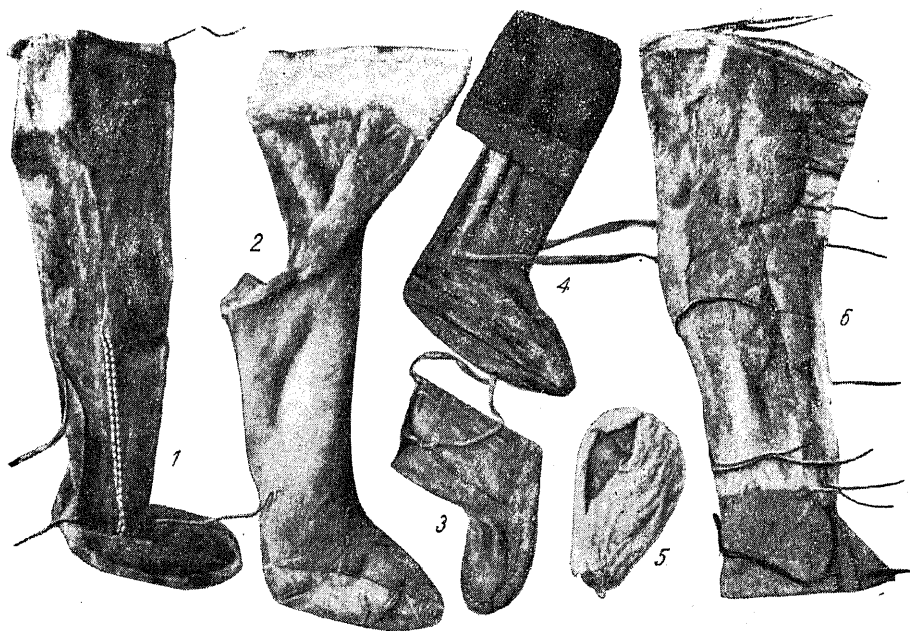

Рис. 8.

Обувь: 1 — мужская зимняя *ховори*; 2 — меховой чулок *доктон*; 3 — летняя ровдужная *олочи*; 4 — весенне-осенняя *хэмчурэ*; 5 — туфля, служившая вместо носка в *хэмчурэ*; 6 — ноговица *гаравухик*.

две расширяющиеся книзу полосы. Сама спинка всегда была длиннее передка на 10—15 см. Капюшон у *хокуй* составлял одну часть со спинкой, а у *хун* был пришитым.

Обувь летняя ровдужная рабочая *олочи* — мужская (1004-49; рис. 8, 3) и *купури* — женская (1004-48) с поршневидной загибающейся кверху подошвой была одного покрою, но различной высоты (мужская 20 см, женская 70 см); различной была и обвязка оборок (в мужской с петельками у подошвы, в женской без них). Составные части летней обуви: носок, голенище и подошва-поршень.

Зимняя обувь из камысов с прямой подошвой имела незначительные варианты по покрою. Но женская *табу* (1004-51, 46) отличалась от мужской *ховори* (1004-62; рис. 8, 1) большим количеством украшений, подбором камысов разных цветов и была несколько длиннее (женская 70—75 см; мужская 60—65 см). Составные части зимней обуви:

подошва, выкроенная по ноге и пришитая внутренним швом к голенищу; голенище из пяти полосок пришивалось к подошве при помощи одного ободка и одной-двух союзок, сходящих к носку на-нет (рис. 8, 1).

К весенне-осенней обуви относились *хэмчурэ* (1004-71; рис. 8, 4), тоже из камысов, но короткие и без ободка. Верх обуви у колена обычно окаймлялся отложным ободком из бархата.

Всю обувь, за исключением летней, надевали на меховой или суконный чулок *доктон* (1004-50, 54; рис. 8, 2), иногда украшавшийся орнаментом из полосок ткани и бисера. *Хэмчурэ* надевали поверх меховых туфелек (1004-72; рис. 8, 5). В летнюю обувь вкладывали стельку из высохшей на корню травы *хаикта*, не ломкой и очень мягкой. *Хаикта* используют все эвенки и до сих пор.

У детей обувь составляла одно целое со штанами (1004-71, 67) и шилась из прямого куска с разрезом внизу спереди, в который вставлялся носок. К нему и непосредственно к куску-голешищу пришивалась подошва. К голенищу на высоте колена пришивался второй прямой кусок, в верхней части прикрепленный к поясу. Иногда верх был общим для обеих унт. Задняя часть бедер и зад ребенка всегда были открытыми.

Головные уборы *хавун* (1004-57, 77; рис. 7, 3) — мужские, женские и детские — были однотипными, в виде чепца, и состояли из трех частей: полосы, идущей от затылка ко лбу, и двух боковых, которые спускались в виде клапанов вниз и завязывались под подбородком. Шапка обшивалась одним, двумя (детские) меховыми оторочками в виде бахромок. Шапка такого покроя весьма приспособлена к морозам. Клапаны „уши“, будучи завязаны под подбородком, образуют вокруг лица как бы „трубу“. Таким образом, лицо оказывается хорошо защищенным от ветра, а выдыхаемый воздух, делая более теплой температуру в этой „трубе“, предохраняет лицо от обмороживания. Для предохранения шеи от холода, взрослые обматывали ее боа *вачи-ваши* из хвостов белки (1004-81; рис. 7, 1); затылочная часть детских шапок обшивалась дополнительной полоской меха (1004-190). Материалом для шапок служили мех и сукно, которое изнутри подбивалось низкошерстным мехом (шкурка с брюха оленя). Фасон шапок *хавун* полностью совпадает с фасоном долганских и эвенских шапок, а отличия их сводятся к меньшему количеству или полному отсутствию бисерных украшений.

Рукавицы *хохолдо* (1004-56) по покрою (с прорезом под большим пальцем) и способу шивания шкурок повторяют форму рукавиц подкаменно-тунгусских эвенков. Надев такую рукавицу, можно было, не снимая ее, обнажать руку через прорез. Женские нарядные рукавицы (1004-47) шились из двойного меха: верх — из лисьих лапок, низ — из оленьего меха. Ладонная и внутренняя стороны большого пальца шились выделанной стороной наружу, мехом внутрь. Тем самым уменьшалась толщина рукавицы и устранялась возможность выскальзывания из рук вожжи.

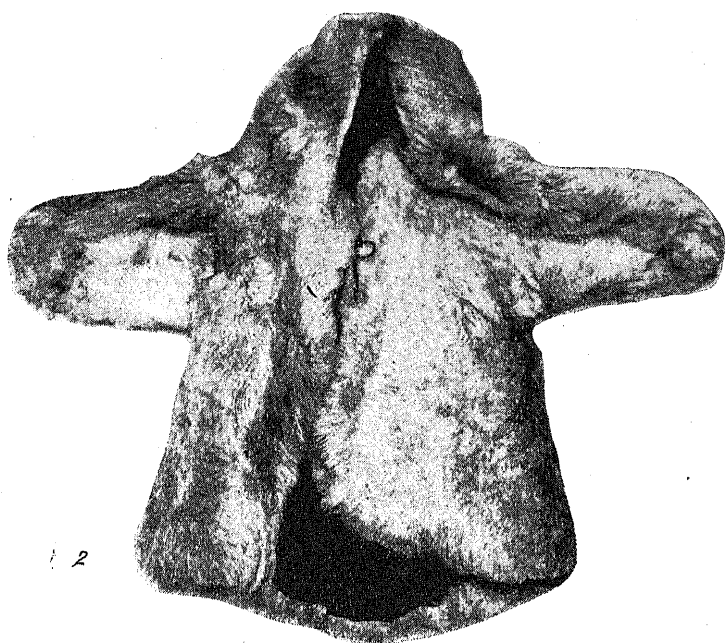

Рис. 9.

1 — детский весенне-осенний кафтан хун; 2 — детский зимний — хокуй.

Во время весенних переездов надевали „снежные очки“ — *иемуптын* (1004-78). Это два овальных куска железа с узкими прорезями посередине. Железо обшито ровдугой, с боков прикреплены вязки.

* * *

Древним тунгусским типом захоронения был воздушный. Покойника укладывали в обрубок дупла, разрезанный пополам, и этот „гроб“ насаживали на два обрубленных ствола (для взрослых) или на один ствол (для детей). Позднее на стволах начали устраивать перекладины и на них устанавливали гроб. В гроб клали и вокруг могилы развешивали и разбрасывали личные вещи покойного, предварительно приведя их в негодность (продырявив, разорвав или разбив).

Другие способы захоронения (в земле и на земле) относятся к позднейшим. Среди илимпийских эвенков надземное захоронение до самого последнего времени встречалось не менее часто, чем подземное. Подземная могила была обычной ямой, в которую опускался гроб, на земле устраивали холмик и на ветках соседних деревьев развешивали личные вещи покойного. Наземную могилу устраивали якуты и якутизированные эвенки.¹

В. Васильев наткнулся на две надземные гробницы шаманов, одну из них он привез полностью со всеми вещами и остатками трупа, из другой вывез только вещи, лежавшие в гробу (рис. 10, 1).

На площадке *тукалангин* 'его земля' на двух, трех низко подрубленных пнях *бакшан* 'его подставка' и высоких подпорах *халангин* 'его ноги', с насаженными на вершинках изображениями деревянных птиц, — накладывались четыре перекладины *отоптын*, между которыми устанавливался внешний гроб *отомо* в виде ящика из рубленых досок. Все доски имели свои названия: боковые — *олдоптуран* 'его боковины', поперечные — *хороптурин* 'его натемники' и нижние — *хэрэн* 'его дно'. Во внешний гроб вкладывался внутренний *ямас*, изготовленный из дупла. В нем лежал труп.

В гробу сохранились остатки следующих поломанных вещей: колчан *нипчик*, стрелы *нир*, пальма *кото*, лук *бэр*, крышка от ящика для слесарных инструментов и часть чашки-долбленки; во внешнем гробу лежали: костяная ложка *уникан* (1004-26) и гребень *илдывун* (1004-27).

Труп уже превратился в скелет, и одежда истлела. От нее осталось лишь несколько металлических изображений птицы (1004-35) и трубчатых железок (1004-33) — подвесок костюма, да трубка с деревянным чубуком из двух половинок и два деревянных кольца.

Вокруг гробницы была устроена изгородь *куре*, угловые столбы которой оканчивались изображениями водоплавных птиц. К гробу были приставлены два высоких шеста *туру* и один такой же высоты с изображением гагары *укэни*. Тут же на земле было деревянное изображе-

¹ См. общее описание ее: В. Н. Васильев, ук. соч., стр. 28.

ние рыбы-лося с рогами хэли 'мамонт', лося (1004-41; рис. 10, 2) и лошади мурин.

Другие вещи, обычно укладываемые в гроб вместе с покойником, в этой могиле не были найдены, но в соседней они были; это топор *сукэ* (1004-36), нож в ножнах (1004-37) и деревянные заготовки для трубки (1004-38).

По шаманским представлениям эвенков, на территории промысла находились места обитания духов-хозяев этой местности. Большинство этих мест носило название *хулакит* 'место, где вешают или бросают *хула*'¹ (в данном случае жертву: щепотку табаку, пульку, патрон, кусок металла, полоску ткани, нитки бисера и другие ценные для охотника предметы). Такие места имелись на перевалах, на порожистых местах рек, около которых обычно бывали переходы, на берегах озер, иногда на отдельно стоящих сопках. С одной из таких сопкок Васильевым были сняты два деревянных изображения *омогун* (духи-хозяева местности, — по объяснению, полученному собирателем): гагары *укэн* (1004-2, 3), человека *дэрэгды* (1004-7). Любопытно, что нарезки на гагаре названы *нэлу* 'нагрудник'; это указывает на представление об оперении, как одежде, восходящее к периоду, когда человек уподоблял себе птиц и животных.²

Такие же *омогун* были найдены на оз. Чирингда: изображение тайменя *дели* (1004-8), человека *дэрэгды* (1004-7; рис. 11, 5) и винтообразный камень *бурис*. Первое изображение сохранило на себе следы неоднократного „кормления“. Изображение духов-посредников *бэлэй* между человеком и духом-хозяином охотничьей территории также было широко распространено среди эвенков (как охотников, так и шаманов), и обряды, относящиеся к ним, нами описаны.³ Эти изображения всегда кропили кровью и дымом горящего сала убитого зверя, приговаривая: „пошли зверя“.

На оз. Керек Васильев нашел следы скотоводческой культуры — большую деревянную балку (116 см длиной) с изображением головы и хвоста лошади (1004-16). По объяснению, полученному Васильевым, на эту перекладину шаман во время камланья набрасывал шкуру оленя,

¹ Слово *хула* означает не только 'приносить жертву', но и 'давать' = 'платить' (шаману за камланье; реки Сым, Нижняя Тунгуска). Таким образом, это значение указывает на то, что первоначально шаману, собственно духам шамана, также приносили жертву. Это подтверждается и обычаем, сохранившимся к началу нашего века среди сымских и подкаменно-тунгусских эвенков, по которому все повешенное на *туру* во время камланья (шкурки, новые платки) не может принадлежать шаману. Наиболее ценное из них он должен „подарить“ нуждающимся, а ткани и платки оставить висеть. Себе он может взять только один малоценный предмет — и то в том случае, если в нем нуждается.

² Очеловечивание птиц и животных широко отражено в фольклоре всех эвенков у некоторых сказки так и начинаются: „Вначале волк был человеком“, „Вначале лиса была человеком“, и т. д.

³ Г. Васильевич. Некоторые данные по охотничьим обрядам у тунгусов. Этнография, 1930, стр. 3. — А. А. Нисимов. Эвенкийские представления о шинкэн'ах. Сб. МАЭ, XII, 1949.

убитого тут же, и вместе со шкурой подымал балку на дерево. Тут же были найдены большие сосуды типа якутских *чорон* (1004-15), которые вставлялись в отверстия на доске. Шаман во время камланья угощал из них оленьим молоком. Возможно, в основе этого камланья был якутский обряд *ысыах*.

В тайге же найден старый шаманский кафтан (1004-14) с нагрудником, брошенный за ненадобностью на лабаз. Все металлические подвески были с него сняты. Сам кафтан *куми* по покрою отличался от обычного только *иринды* 'птичий хвост' — узкой полосой (длиной 30 см), срезанной внизу мысом, пришитой к серединке подола спинки. Специфической отделкой кафтана была ровдужная бахрома разной длины. Очень длинная (75 см) была пришита к поясу спинки между боками, покорооче (43 см) — на рукаве от лопаток до локтя, и самая короткая (5 см) окаймляла подол и полы до пояса. Вместе с длинной поясной бахромой сзади к поясу пришивали *чурэктэ* — длинные жгуты из кусочков меха различных животных и кисточки *хултукта* из ровдуги. Ровдужный нагрудник *хэлми* — это узкая полоса (длиной 60 см), срезанная внизу мысом и обшитая бахромой (длиной 40 см). Среди бахромы нашиты 6 *чурэпту*. Орнаментирован костюм полосками ткани, прошитыми швом из белого подшейного волоса.

Отдельные металлические части, нашиваемые обычно на шаманский кафтан, были собраны Васильевым в разных местах. Одна из них — *аркалан* 'то, что на спине' (1004-17; рис. 11, 2) — главная часть шаманского костюма, привязываемая к спинке на лопатках. Она представляет собою кованую пластинку (длиной 45 см) с четырьмя ответвлениями рогов *иел* и изображениями человека *харги*¹ *хэвэнин* 'духи *харги*'. К пластинке на специальных крючках и специальных подвесках добавлялись изображения духов-птиц и духов-зверей. По объяснению, полученному Васильевым, шаман для борьбы с враждебными духами или с духами другого шамана направлял одного из своих духов-помощников — оленя. В случае победы от *аркалан* отпадал один отросток рога. Мои информаторы на Сыме и Подкаменной Тунгуске объясняли иначе. Эта пластинка называется *дагуил*, ее имеют только большие шаманы. После каждой победы над духами шаман добавляет один отросток. Таким образом, два рога на пластинке, пришитой к спинке, показывали силу шамана и у больших шаманов имели много ответвлений.

Само название *аркалан* не характерно для эвенков бассейна Енисея, оно встречается у эвенков, называвшихся *орочен*, но в другом значении. Это пелерина, надеваемая через голову, покрывающая грудь и спину и связывающаяся на боках. Она обшита длинной ровдужной бахромой, а к спинке, кроме того, пришиты колокольчики. Это „начало

¹ *Харги* в эвенкийских говорах сохраняет разные значения, восходящие к первичному комплексному слову, а именно: 'тайга' (сымские), 'олень' (витимо-олекминские), 'дух-хозяин тайги' (подкаменно-тунгусские) и позднее 'чорт' (большинство говоров).

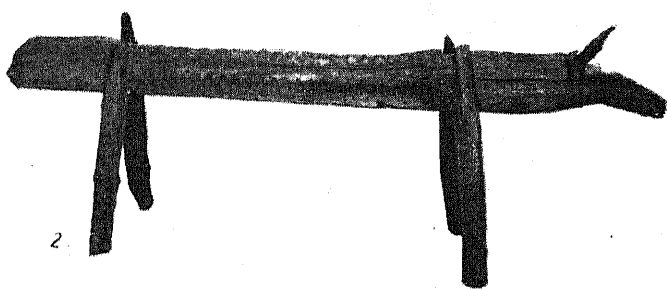
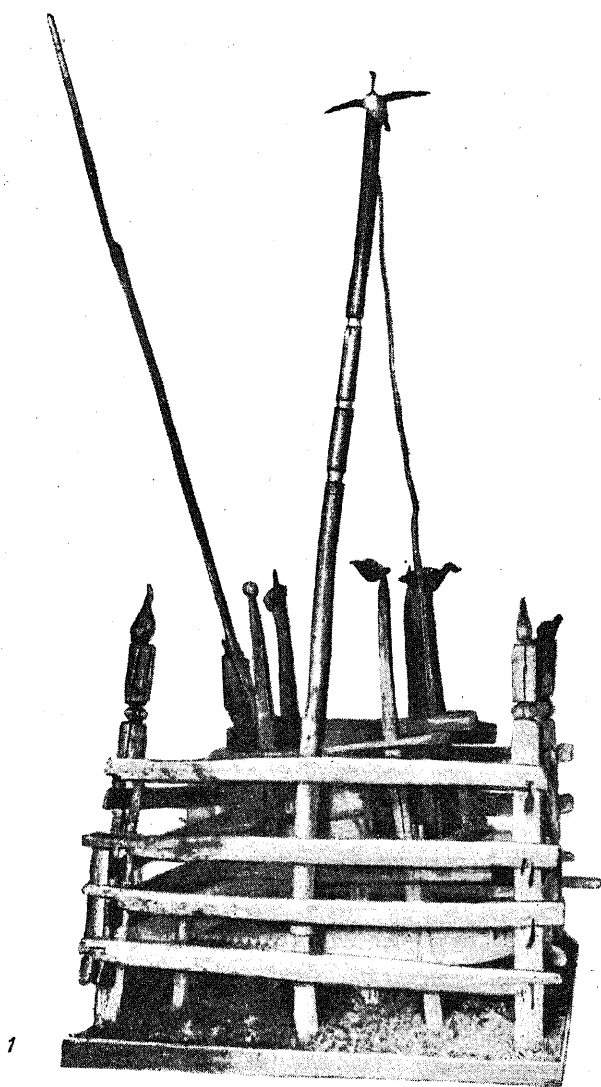

Рис. 10.

1 — гробница шамана; 2 — изображение лося хэли-кааир.

костюма". *Аркалан* и ровдужную шапку могли иметь молодые шаманы, камлавшие 5—10 лет.

Вторая деталь шаманского кафтана — металлические изображения птиц, духов-помощников шамана: гагары *укэнг*, лебедя *гаг* (1004-18), сокола-стервятника *геги* (1004-11). Первое привязывалось к нагруднику, второе — к спинке кафтана, а третье — к концу шаманского жгута *чурэктэ* (1004-5). Жгут (длиной 80 см), как и всякий *чурэптын* (~ *чурэктэ*), изготовляли из кусочков меха разных животных и бахромки из ровдуги и ткани, к которым в свою очередь пришивались изображения человека. На другом конце жгута к связке ровдужных кистей подвязывалось металлическое изображение насекомого *куминит*. Точно такой же жгут служил „уздой“ *ухи* во время камланья. Она забрасывалась за жердь середины балагана или чума, и шаман во время камланья придерживался за нее, когда скакал в экстазе. У других эвенков (Подкаменная Тунгуска, Алдан, Зейя, Учур) „узду“ во время камланья держали наготове люди, помогавшие шаману. В момент, когда шаман вскакивал, узду надевали на него как лямку, концы забрасывали за жерди чума и держали, потому что шаман, „став оленем или зверем“, бешено прыгал до того, что в конце своей „пляски“ бесчувственно повисал на ней. Считалось, что в этот момент нельзя было дать упасть шаману на землю, так как падение якобы влекло разные неприятности для присутствующих при камлании.

Из предметов охотничьего культа в коллекции имеются изображения духов-посредников *хэмэкэн*, которые на Нижней Тунгуске называются *бэллэй*, а среди эвенков северной Якутии *эхэкэн* (у якутов — *эсэкээн*). *Хэмэкэн* изготовлялся самим охотником или кем-либо другим по предложению шамана. Изображение могло быть человеком или птицей из дерева или металла. В данном случае это изображение птицы из металла (1004-9; рис. 11, 3, 4), хранившееся в чехле; к нему подвешены навязанные на ремне кусочки высохшего мяса, повидимому, от сердца. Среди этих кусочков привязаны изображения человека и еще кого-то; ремешок оканчивается челюстью животного. Второй *хэмэкэн* (1004-6; рис. 11, 1) представляет собою изображение человека в виде палочки, к которой на ремешке привязаны маленькие деревянные и костяные изображения людей и мешочек с железным изображением человека, к которому, кроме того, привязаны челюсти и отдельно еще мешочек с челюстями и две металлические птичьи лапки с когтями.

Перед охотой владелец *хэмэкэн* ~ *бэллэй* обычно „кормил“ и „забавлял“ это изображение, обращаясь с просьбой послать зверя и обещая ему угощение и новую одежду. Добыв зверя, охотник опять „переодевал“, „кормил“ его и на ремешке привязывал часть добычи (нижнюю челюсть — от мясного зверя, носы с усиками — от пушного).

Среди других коллекций МАЭ есть два *эхэкэн*, привезенных в 1929 г. с Вилюя, с оз. Мастах (5294-3). Получены эти предметы от якутизированных эвенков, бывших раньше илимпийскими. Эвенк, давший эти предметы, сообщил, что „илимпийские эвенки выпрашивали от *эхэкэн*

лесных зверей“ и рассказал случай, имевший место более 100 лет тому назад. „Илимбийский шаман Суонча перестал убивать зверей. Чуть не умер с голоду. Тогда он сделал эхээн. Перекочевал на другое место.

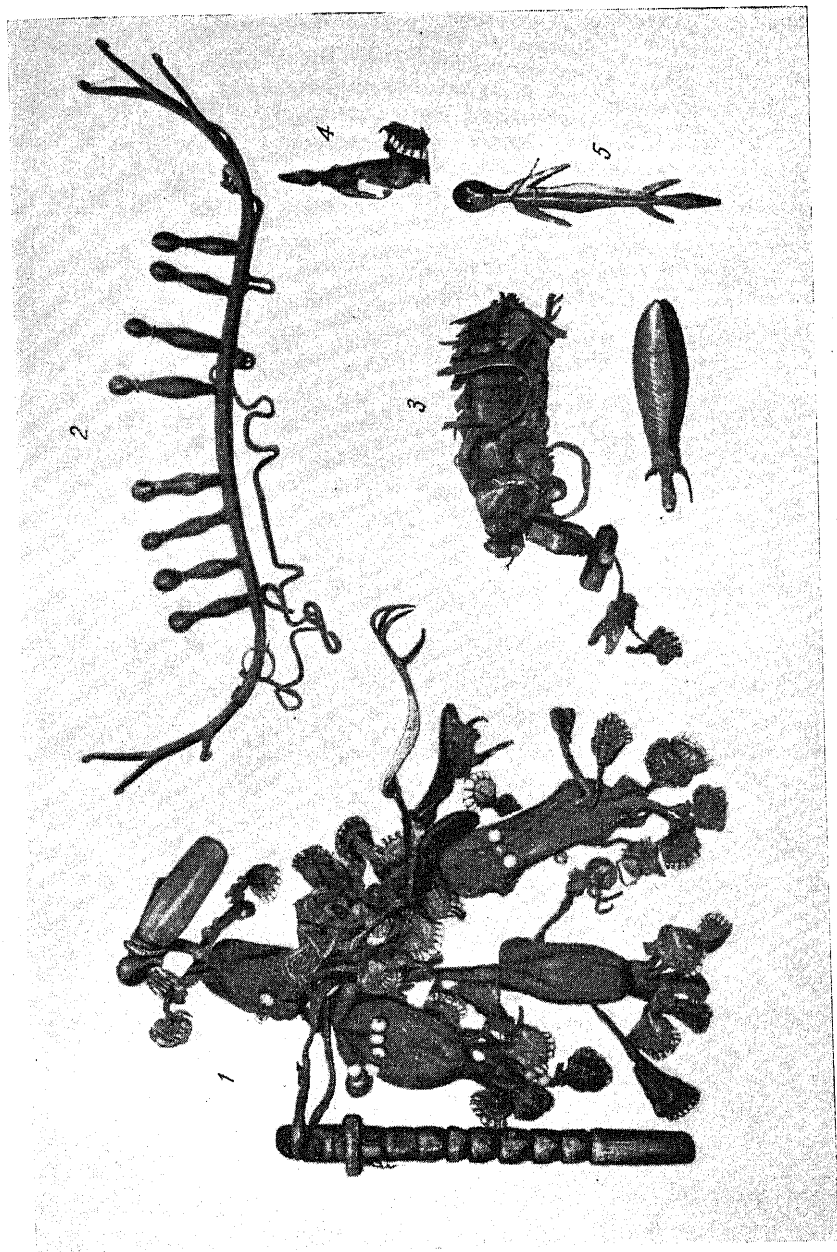

Рис. 11.

1 — изображение хэмээн в виде человека; 2 — армалан, привязываемая к спине шаманского кафтана; 3 — изображение духа-посредника хэмээн в виде птицы и чехол к нему; 4 — изображение в виде птицы; 5 — изображение в виде человека *дэреэды*.

Лег спать и увидел сон: эхээн во сне ему сказали: «Взвали нас к себе на спину и иди по найденным следам диких оленей». Утром он отправился на охоту. Увидел диких оленей. Те, испугавшись, убежали. Он погнался. Немного спустя он увидел их мертвыми. Начал свежевать

и увидел под шкурой кровоподтеки, словно кто-то их бил. Суонча решил, что оленей ему набили *эхэкэн*. Эти изображения перешли по наследству к сыну и внуку, правнук же не взял их себе. «Как же я над вами древними буду иметь власть, заставляю вас подчиняться своим словам, когда хозяева ваши умерли. Лежите и вы», — сказал он и положил их на лабаз...“.

Этот рассказ ярко иллюстрирует отношение охотника к *эхэкэн* — *хэмэкэн* ~ *бэллэй*.

* * *

Сравнительное изучение некоторых предметов описываемой коллекции позволяет выявить в культурном комплексе ессейско-чирингдинских эвенков элементы южной скотоводческой и тундрово-оленьеводческой культур, а также связи с разными группами эвенков.

К элементам скотоводческой (якутской) культуры относятся:

1) изображение лошади наряду с изображением лося, сохранившееся на шаманских могилах;

2) сосуды *чорон*, *кэрэк* и угощение оленьим молоком в одном из шаманских обрядов; здесь же вывешивание шкуры жертвенного оленя на палке, изображающей лошадь;

3) сеть из конского волоса;

4) столик с изогнутыми ножками, оканчивающимися конскими копытами;

5) якутский камелек в жилище *дула*;

6) покрой спинки женского кафтана с разрезом сзади и со сборами или выточками на боках; отрезная спинка, состоящая из трех частей (ср. колл. 723-5, 400-28);

7) форма вьючных сум в виде ящичка, характерная для позднейших форм якутских вьючных ящичков;

8) гамма цветов бисера (зеленый и желтый — прозрачный, черный и темноголубой — фарфоровый) характерна для якутов и долган и не встречается у соседних эвенков. Мелкие литые металлические украшения, чередующиеся с бисером. Использование черного бархата на ободки унгов.

Все эти черты указывают на близкие связи с якутами и долганями, которые продолжают и в настоящее время.

Но есть еще два элемента, указывающие на более древние связи с тюркоязычными скотоводами-охотниками Саяно-Алтайского нагорья.

Это — второй тип покроя спинки женской одежды. Юбочная часть пришита по поясу к спинке при помощи трех бантовых складок. Бантовые складки на спинной части пояса мы имеем в одежде эвенков Подкаменной Тунгуски (ср. колл. 4323-54, 49) и иногда у эвенков Забайкалья (ср. колл. 1855-3), но везде мы имеем две складки или сборки в двух местах. Три складки мы имеем только у хакасов (ср. колл. 5060-24) — народности, у которой также прослеживаются связи с рядом групп эвенков и якутов.

Связи древних тунгусов с населением Саяно-Алтайского нагорья прослеживаются в целом ряде моментов.

К этим древнейшим связям, вероятно, относится и покрой шаманского кафтана с *иринды* („хвостом“). Шаманские костюмы с выкроенной на низу спинки полосой или со специально пришитой полосой известны среди некоторых забайкальских эвенков, среди долган и якутизированных вилюйских эвенков. Но эта деталь до недавнего прошлого была характерна для бытового кафтана охотских и камчатских эвенов, носивших самоназвание *орочол* (ср. колл. 2668-1); у них этот „хвост“ стал украшением одежды в виде полосы, орнаментированной бисером. У потомков ангарских эвенков на одном из костюмов фрачного типа со спинкой, оканчивающейся мысом, такая полоса, орнаментированная бисером, пришита к спинке в поясной части (ср. колл. 5161-2). Такая полоса пришивалась и к женским долганским кафтанам (1070-64). Длинную полосу на спинке кафтана мы имеем в костюме VII—VIII вв. н. э. из кургана, вскрытого Радловым между реками Большая и Малая Катанда на Алтае.¹

Несомненно, между этими костюмами имеется связь. Повидимому, и этот покрой спинки с „хвостом“, существовавший уже в XVII в. в шаманском костюме, подобно шаманскому костюму с остро срезанной внизу спинкой, восходит к древнему обрядовому костюму потомков ангарских эвенков. У сымских эвенков, например, до недавнего прошлого этот костюм, надеваемый только на древний охотничий праздник, был со стороны спинки сверху и донизу обвешан кистями из конского волоса, лентами, полосами ровдуги и жгутами *чурэптын*. Эти два „фрачных“ костюма с различными по покрою спинками уходят в очень глубокую древность, связаны с территорией верхних систем Енисея и, вероятно, Оби. Они были, повидимому, характерны для двух разных племен, и можно предполагать, что покрой их отразил более древнюю одежду — наспинные шкуры: шкуры оленя и лося дали спинку с остро срезанными *иринды*; шкурки больших пушных зверей (россомахи) носили на спине не срезая хвоста, так как бытовое назначение этого *иринды* — садиться на него на землю — сохранялось до нашего времени, например у тех же сымских эвенков, которые при ходьбе привязывали его к поясу. Этим, может быть, и объясняется тот факт, что в могильнике с Катанды сам кафтан представляет куртку — короткую одежду с полосой на спине. Представители древних групп, носивших такую одежду, попав в условия северной тайги, в среду древних тунгусов, сохранили привычку добавлять этот *иринды* в виде украшения. А из обрядового костюма он мог превратиться в шаманский, и древними тунгусами был вынесен на Ессей, Вилюй и отсюда позже в Забайкалье.

К элементам тундровой оленеводческой культуры относятся:

¹ А. А. Захаров. Материалы по археологии Сибири. Тр. Гос. Истор. музея, вып. 1, 1926.

1) самоедская оленная нарта с пазовым креплением, с копыльями, стоящими наклонно назад и внутрь. Заимствовав от самоедов (вероятно, через группу долган) нарту и упряжь, эвенки приспособили ее к тайге, приделав к передку нарт „баран“ — горизонтальную дугу и несколько снизив копылья;

2) глухая одежда *хокуй*, надеваемая во время больших переездов на нартах;

3) покрой зимних унтов из камысов.

Ессейско-чирингдинские эвенки по ряду элементов материальной культуры и по языку (лексика) связаны с эвенками, носившими раньше самоназвание *эвэнки* и ведущими свое начало от пеших охотников, и с группами, носившими раньше самоназвание *орочен* и ведущими свое начало от оленных охотников. При этом, в некоторых случаях элемент ороченской культуры носит эвенкийское название, и, наоборот, иногда ороченское название носит элемент эвенкийской культуры.

С *эвэнки* — пешими охотниками — связаны следующие элементы:

1) парка — зимняя меховая одежда охотников с невысоким стоячим воротом;

2) мужская рабочая обувь, короткая, с поршневидной подошвой и петлями для вязок у подошвы. Но называется она ороченским словом *олочи* (эвенк. *локоми*). Женская обувь *купури* с поршневидной подошвой. Один из покровов зимней высокой обуви из камысов (с вертикально стоящим ободком и союзкой);

3) одеяло с мешком для ног.

С *орочен* — оленными охотниками — связаны следующие элементы:

1) мужское верховое седло, представляющее упрощенный вариант ороченского верхового седла *нэмэ*. Но название седла *хомдан*, ведущее свое происхождение из монгольского языка, — эвенкийское. Необходимо отметить, что группы с самонаванием *эвэнки* не имели верхового седла, да и вообще езда верхом для мужчин была запрещена (что сохранилось у некоторых групп до сих пор, например у верхоленских и сымских). Женское же верховое седло было обычным вьючным седлом, но приспособленным для верховой езды путем использования двух маленьких вьючных сумок *нэмэ ~ нэмэкэн*, которые расширяли сидение. Любопытно, что название ороченского верхового седла, по форме напоминающего конское, но более приспособленного к оленю, тоже *нэмэ*;

2) фасон кумалана для покрытия вьюка, название ошейника *кулукэ*, на который подвешивается плашка, и название последней *чонгой*;

3) название чума *дюкча ~ чукча* (эвенк. — *дю*, а *дюкча* — плохонький чум);

4) отложной воротник на женской одежде;

5) название утвари для приготовления пищи: мутовка — *итык* (эвенк. *уркувун*, *пачанэ*), решетка для вяления над огнем мяса и рыбы *бучивун* (эвенк. *хуриг*), ложка *укжан ~ умкан* (эвенк. *ламба*);

б) названия бахромы на шаманском костюме *нэлбин*, жгутов — *чурэкты ~ чурэптын*, а также наспинной пластинки с рогами *аркалан* (эвэнк. *дагуил*);

7) употребление кожаной лодки для переправ.

У этой группы Мессершмидтом (1723) зарегистрировано название *тунгус оротонг*, а слово *орочен* в записях 1910 г. имеет значение „пастух“.

Кроме указанных элементов культуры, восходящих к этническим комплексам разных народностей и разных тунгусоязычных групп, можно отметить и элементы древнейших культур, повидимому, аборигенов-рыболовов, а именно:

1) костяная рыбка-приманка, которая была характерна для неолитического населения тайги; вероятно, к этой культуре относится и зимний способ лова через лунку во льду;

2) жилище *голомо* из плах, крытое дерном или корой лиственницы и окапываемое на зиму снегом. Оно распространено по всей территории таежной зоны от системы Енисея и на восток, включая и Саяно-Алтайское нагорье.

Если связи с самоедскими племенами и якутами объясняются очень просто, так как продолжаютя и в настоящее время, если связи с южными соседями явно родственны (одни и те же роды, что у эвенков Нижней и Подкаменной Тунгусок), то связи с оленными эвенками (*орочен*), потомками забайкальско-амурских тунгусоязычных групп, — прямого объяснения не имеют. Объясняются они через долган — оякученных по языку тунгусов. Среди долган есть три названия для родов, связанных с югом, а именно: *Долган*, *Донго* и *Эджэн*. Первые два своим происхождением уходят в далекие времена на территорию Центральной Азии к охотникам-скотоводам.¹ Из Забайкалья-Приангарья отунгушенные группы *Долган*, *Донгон ~ Донгой*, став оленеводами, двигались на север Якутии, где положили начало эвенческому роду-племени *Долган*. Западные группы *Долган* и *Донго*, вероятно, с расселением якутов на Лене, были оттеснены еще дальше на запад, за Оленек, на Хатангу, где смешались с аборигенами и енисейскими тунгусоязычными пешими охотниками; они принесли сюда навыки содержания больших табунов оленей и специальное верховое седло. Хатанские группы *Долган* и *Донго* по языку были оякучены, а навыки оленеводческой культуры сохранились как у них, так и у илимпийских эвенков. *Долган* и *Донго* на своем пути с Приамурья на север оставляли отдельные семьи (сейчас среди тунгир-олекминских и амурских эвенков имеются названия *Долган*, *Дулугир* и *Донго ~ Дунга*).

Эти группы *Дулан* и *Донгон* влекли за собою и другие: 1) *Эджэн*, первоначально бывшие пешими охотниками, в Приамурье в среде оленеводов стали оленными, а на севере Якутии дали также начало роду-племени эвенков (ламUTOB) *Эджэн (Эжан)*; 2) *Баягир*, также древнее

¹ См. подробнее: Г. Василевич. Древнейшие этнонимы и названия эвенкийских родов. Сов. этнограф., № 3, 1946.

племя пеших охотников, своим происхождением уходящее, вероятно, в период неолита и связанное с территорией Приангарья—Прибайкалья. Тунгусоязычные группы *Бая*, обойдя Байкал и попав в соседство со скотоводами, став *Баяир ~ Бояир ~ Буяир*, из пеших охотников превратились в оленных и конных („скотные“ *Бояир* на верхних притоках Амура были отмечены еще в XVII в.¹). К нашему веку среди *орочен Буяир* составляли значительную группу. Оленные *Бояир ~ Баяир* шли на север по пути *Долган* и *Донго* и жили на пути передвижения вместе с западной группой; вместе с ней они были отодвинуты якутами на запад от Лены. (В XVII в. *Бояир* отмечены на Вилеу²). Попав на водораздел Хатанги—Нижней Тунгуски, они дали начало роду *Баяир ~ Бояир*, отдельные группы которого вошли в состав *Долган*, а также стали затундренными якутами.

Только таким образом объясняются ороченские элементы культурно-лингвистического комплекса ессейско-чирингдинских эвенков.

Эта сложность состава населения территории лесотундры объясняет и их неоднородный по происхождению антропологический тип и полностью совпадает с выводом его этногенеза, к которому пришел антрополог Юзевович. Юзевович, изучая черепа долган, илимпийских эвенков и якутов—„туруханцев“, как он условно назвал все эти народности, пришел к следующему: „Здесь сталкивались две культуры, лишь незначительно различающиеся между собою в отношении степени развития техники; поэтому здесь не могло иметь места массовое уничтожение аборигенов или оттеснение их в малодоступные районы. Пришельцы немногочисленными островками вкрапывались в массу местного населения“.³

Таким образом, ессейско-чирингдинская группа эвенков по своему происхождению не однородна. Она составила из тунгусоязычных пеших охотников—потомков ангарских (исторически связанных с племенами верхнего Енисея и в своем продвижении на север ассимилировавших аборигенов—рыболовов) и тунгусоязычных оленных охотников, сформировавшихся в районе Забайкалья—Приамурья, во взаимодействии со скотоводческими племенами. Связи же с самоедами и якутами относятся к сравнительно позднейшим периодам их истории.

¹ Дополнение к Актам историческим, т. III, стр. 52.

² Там же, т. II, стр. 229.

³ А. Н. Юзевович. К краниологии долган. Сб. МАЭ, X, 1930, стр. 321.